

CREEPY-КРЕСТ

ВАЛЕРИЯ КРУТОВА
Родилась в 1988 году. Получила юридическое образование, работает специалистом по информационной безопасности. Участник 18-го и 19-го Форумов молодых писателей, организованных Фондом социально-экономических и интеллектуальных программ.

Пока у человека есть кожа, он хочет, чтобы ее касались. Жажда тактильных ощущений формирует интересы, круг общения и взгляды на окружающую действительность. Я бы сказала, что она вся – действительность – состоит из прикосновений. И пусть так и будет, потому что, если люди перестанут касаться друг друга, они просто-напросто сдохнут от воспаления кожи.

Вечер был, темнело медленно. Вдалеке светился крест. Я думала, что он освещен прикосновениями лучей солнца, заходящего в этот момент за горизонт. Горизонта не было видно, сплошь сарай и старые дома. Они были пустыми. А крест светился. И вот солнце зашло полностью, стемнело так, что я потеряла ориентацию в пространстве – где небо, где земля, где деревья рядом. Фиксировала их глазами только по опознавательным знакам. Вот – звезда из-за туч мрачных показалась. И скрылась. Вот – ветка в глаз мне, проходящей мимо, попала. Вот земля – земля под ногами. И я рада была ее чувствовать.

Но было темно. А крест светился. Что за черт, думала я, пока не пригляделась – крест был подсвечен, как подсвечены вывески на магазинах, а темнота сожрала церковь, и крест просто висел в воздухе. Крест висел, будто у какой модной девчонки на ключице, со стразами и страхами крест. Стразы она наклеила сама, а страхи ей наклеила набожная бабушка. Так и ходит. И крест светится.

Обычный крест без церкви под ним, ее темнота сожрала. И как ни подсвечивай, не станет светлее, святее. Вообще ничего не станет.

– *Что такое крипи?* – спрашиваю.
– *Ну, это что-то такое, – помолчал, – криповое.*
– *Прекрасное объяснение. – Лезу в гугл. – Тип что-то страшное, пугающее.*

Смотрю на него. Он шагает чуть впереди, и я только плечо и темный затылок вижу. Темно еще так.

– *Ты, кстати, пугающий, – говорю.*

Он оборачивается аж. Останавливается.

– *Почему?*

– *Я-то откуда знаю. – Обхожу его и продолжаю идти. – Ты ж пугающий.*

– *Ну, чем я тебя пугаю? – Догоняет.*

– *Ты суровый, и мне приходится подбирать слова, чтобы общаться с тобой. Мне тяжело. Будто я у доски отвечаю перед учителем.*

«Перед учителем, который мне нравится», – продолжаю про себя.

– *Жест.*

Только и всего.

Мой учитель по французскому был французом. Дико повезло, кстати. Обычно в нашем языковом центре с носителями занимаются только изучающие английский. А тут целый кудрявый Ланселот. Я вообще думала, что так нормальных французских уже не называют. Но этот оказался ненормальным.

Крипи – криповый – пугающий. Глаза черные, в них смотришь, словно в лес идешь, все дальше-дальше, а он сгущается, и кроны деревьев над тобой вдруг смыкаются, и стволы перед тобой тоже. Все, дошла. Встала и поняла, что встряла.

Ланселот был молодым, немного старше меня, но я тогда была слишком несовершеннолетняя. Он не мог открыто ухаживать, а я все ждала-ждала. И то юбку надену покороче, то наклонюсь так, чтобы бюстгальтер было чуть видно. Без толку.

Он говорил на французском и на казахском, а на русском почти нет. Странное это было обучение. Он мне говорил *lisez ceci* – читай, мол. А у меня все эти аксанграв в аксантегю плыли, я путала их, пугалась и постоянно забывала, что *ill* – это «й». Он немного нервничал: *soyez plus prudent* – будь внимательнее, вроде того. А я теребила прядь волос и нервничала похлеще него.

Придумала себе крипи-приключение с французским волонтером и мечтала по вечерам, как он водит меня в кафешки у дома. У его дома, на всякий случай мечтала.

Потом он уехал и глаза свои черные забрал с собой, и кудри эти тугие, и все *lire, écrire, répéter*. И весь мой французский тогда забрал. Я не могла учиться у заслуженной преподавательницы из школы, несмотря на то что у нее тоже были кудри. Только мягкие, будто вот-вот одуванчиком разлетятся.

Мама расстроилась, а я пошла учить немецкий.

- *Дотронься до меня, – говорю так, чтобы он не услышал.*
- *Что? – переспрашивает.*
- *Ничего. Давай чаю попьем или кофе.*
- *Или вина, может?*
- *О, давай.*

У Ланселота была привычка трогать мою руку, когда она неверно выводит какие-то французские буквы. Ну, то есть, буквы латинские, но слова были французскими. Он ревностно относился к тому, чтобы все было красиво, так же красиво, как и его язык потрясающий. *Stop. Voilà* – стой. Вот так, смотри. И моею рукой водил по бумаге. Я снова плыла. Руку жгло. Наверное, я специально писала неверно и некрасиво, чтобы он чаще сжигал мою кожу. А он думал, что я просто тупица.

Voilà – вуаля – как вуаль. Вуаль для меня – это что-то похоронное. Что-то прикрывающее разруху. В том числе и внутри. Сейчас хочется эту разруху какой-нибудь французской *вуаля* прикрыть, но я не доучила язык. И пользоваться им уже не давала себе право.

– *Музыка – это лучшая литература, я считаю. – Задумчиво смотрю в окно и выпускаю дым. Кутажусь в плед. Холодно на улице. И креста не видно, слава богу.*

– *Музыка в целом лучше всего, что есть вокруг нас. – Смотрит, как дым сгруппировался от холода и покатился подальше от меня.*

– *Сдохнуть хочется. – Я докурила, кажется, бычок жжет губы, но я затягиваюсь последний раз.*

– *Не сейчас.*

– *Ну да. Можно и потом.*

– *Кстати, потом может уже и не хотеться.*

– *Дотронься до меня, – еле слышно говорю.*

– *Что? – переспрашивает.*

– *Ничего. Красиво тут.*

– *А. Да. Нормально.*

Музыка – это тоже прикосновение. Только она трогает одновременно многими руками, то нежными, то грубыми, как в плохом кино. Залезает в самые сокровенные места. И в душу лезет тоже. Только туда обычно лезет с целью что-то сломать. Хорошая музыка ломает так, что сдохнуть действительно хочется, и когда я буду умирать, так и сделаю – поставлю какой-нибудь «Рамштайн». Хотя нет, от него мне хочется жить наоборот.

У Ланселота был плеер с дисками и футляр для него, чтобы к поясу крепить. Такой вау-девайс для того времени и того места. Длинные наушники, которые, доходя до плеч, превращались в его же волосы. Всегда хотела дернуть за что-нибудь там, попаду не попаду в наушники.

Если бы он не уехал тогда, я бы, может, выросла до наших с ним отношений и успокоилась.

– *Боишься меня? – спрашивает.*

– *Боюсь. Ты крипи, как тот крест. Только не светишься.*

– *Мне нечем.*

Да святится имя твое, да пребудет воля твоя. Мои воля и имя все пребывают и пребывают. Они не святые, в них нет света. Наверное, они могли быть, но я слишком люблю прикосновения, а это противоречит святости и свету. Света нет в любых отношениях, перешедших однажды черту.

Ланселот уезжал когда, приносил в центр большой торт. Мы ели его прямо руками, держа на салфетках. Мне было слишком мягко брать торт пальцами, крем и бисквит забивался под ногти, бр-р-р. И я тогда брала и кусала прям с ладошки. Вся измазалась, а Ланселот подошел и вытер мне губы салфеткой, которую мял в руках. Какое-то порочное движение, словно он грубо размазал мне помаду по лицу, но у него получилось нежно, и крем действи-

тельно весь ушел с меня на салфетку. Все поплыло, и я снова неаккуратно укусила торт. Ланселот уже не увидел, он отошел как раз.

- Тебя все больше, и все чаще ты тут, – говорю.
- Мне нравится сюда приходить. Хорошее кафе. И ты хорошая, – говорит.
- Да не, плохое. Никто сюда почти не ходит. Работы нет поэтому, – говорю.
- Кофе ты делаешь вкусный, – говорит.
- А я бариста же, мне приятно.
- Сделать?
- Сделай.
- Это уже третий.
- Мне все равно потом идти тебя провожать. Потом идти домой. Надо быть бодрым, – говорит.
- Оставайся сегодня у меня, – еле слышно говорю.
- Нет. – Услышал. Черт.

Я ставлю крестик на руке, чтобы не забыть, например, купить курицу на вечер. Или захватить с собой сигарет вторую пачку, чтобы не искать потом судорожно по магазинам нужные, когда кончится первая. А она всегда кончается. Еще ставлю крестики напротив выполненных дел. В мобилке есть такое приложение – «тудулист». To do – сделать. Сделай уже! И крест поставь. Ужасно – ставить крест на всем, что ты делаешь... Хотя есть в этом какая-то ирония. Нам всем и над всеми однажды поставят крест. Только повиснет ли он, как тот крипи-крест над словно от неловкости спрятавшейся в темноте церковью, или будет уверенно и твердо держать защиту перед пошлыми манипуляциями людей – а черт его знает.

*Работа над рассказом велась
в резиденции Дома творчества
Переделкино*

